

Глава пятая. Беженец на берегах Альбиона

Викторианский Лондон, как он предстал в 1886 году перед переселившимся в Британию русским анархистом, – это не только столица могущественной империи и ведущей державы – «мастерской мира», не только мировой промышленный, финансовый, транспортный, торговый, научный и культурный центр. Это еще и крупнейший город планеты, огромный, поглотивший многочисленные предместья мегаполис. Современники сравнивали его с Вавилоном, называли «каменными джунглями» и даже «каменной пустыней». Город дыма и смога. Город мигрантов и переселенцев, где было больше католиков, чем в Риме, и больше ирландцев, чем в Дублине. Его размеры поражали.

Громадные толпы людей, улицы, полные кипящей жизни, борьбы за существование и выживание. Роскошь и нищета по соседству. Чопорные кварталы знати и богачей – и убогий, полный нищеты, антисанитарии и преступности Ист-Энд, знаменитые лондонские трущобы, лабиринты улиц, где плодилась и роилась самая ужасающая бедность. Короче говоря, перед Кропоткиным предстал сам образ всей современной цивилизации, символ и зримое воплощение всех ее достижений и язв. Средоточие всего, что можно и нужно было использовать на благо человечества, и того, что следовало беспощадно разрушить!

Британская столица была не только оплотом имперской бюрократии, но и центром рабочего и радикального общественного движения. В 1880-е годы бури вздымавшегося еще три-четыре десятилетия назад чартистского протеста, когда сотни тысяч людей выходили на улицы и подписывали петиции-«хартии» с требованием всеобщего избирательного права, уже забылись, так и не приведя к желанному результату. Но теперь поднимал голову протест нового типа. Десятилетия духовного брожения давали свои плоды.

Сентиментальный христианский альтруизм с его «социалистическими» нотками – течение, у истоков которого стояли с конца 1840-х годов теолог Фредерик Денисон Морис (1805–1872) и проповедник Чарльз Кингсли (1819–1875), – взывал к сочувствию к беднякам и слабым мира сего, пытаясь пробудить совесть у богатых и власть имущих. Он призывал к жизни на основе гармонии, справедливости и нравственности. Ученые и литераторы – историк и философ Томас Карлейль (1795–1881), романист Чарльз Диккенс (1812–1870), художественный теоретик Джон Рёскин (1819–1900) – подвергли серьезной критике уродство, бездуховность и пустоту буржуазного мира. Но теперь на общественную арену выходили социалисты. «Ряд экономических кризисов обусловил успех индивидуальным усилием. Голод в Ирландии, разразившийся в 1879 году, с поразительной яркостью осветил печальное положение сельского труженика, затем вопрос о безработных выступил в Лондоне и других крупных центрах, начиная с 1885 года, и показал, что жизнь и смерть наемного рабочего зависят от случая», – так описывал предпосылки становления социалистического движения в Британии историк Альбер Метен[914].

К 1886 году в стране уже действовали не только революционные объединения, клубы и издания эмигрантов с континента, но и британские социалистические организации. В первой половине 1880-х годов оформились Социал-демократическая федерация (СДФ) и Фабианское общество. Первая из них, зародившаяся в 1881 году и возглавляемая Генри Гайндманом, по оценке Метена, «никогда не сходила с почвы законности. Вначале она допускала почти все виды революционного социализма и не отличалась узкой ортодоксальностью германской социал-демократической партии». Федерация издавала произведения и Маркса, и Кропоткина. Лишь позднее в ее рядах наметилось размежевание между приверженцами более умеренного и более революционного крыльев. В 1884 году было основано Фабианское общество. «Оно составилось из радикалов, не желающих революционизировать общество, но предпочитающих постепенно реформировать его, прибавляя одно преобразование к другому» и принимая в свой состав всех, «даже национализаторов земли и христианских социалистов»[915]. В 1885 году от СДФ откололось более радикальное крыло, основавшее Социалистическую лигу. Среди ее лидеров были выдающийся писатель, поэт и художник Уильям Моррис и зять Маркса Эдуард Эвелинг (1851–1898). Впрочем, она оказалась уж слишком разнородной по своему составу. В лигу вошли и те, кто делал упор на распространение социалистических знаний, считая, что время для настоящей партии еще не пришло, и люди, просто возмущенные жестким стилем руководства Гайндмана, и последователи Маркса, и противники парламентаризма, склонные прислушаться к доводам анархистов. «Редко существовала пролетарско-социалистическая организация, которая располагала бы сравнительно столь крупными талантами, столь большой готовностью к жертвам и столь малым организаторским и политическим искусством...»[916] – замечал о Социалистической лиге историк рабочего движения Макс Беер. Неудивительно, что лига просуществовала недолго.

Среди британских рабочих росли радикальные настроения. Прежде умеренные тред-юнионы начинали прислушиваться к новым веяниям. Еще более бунтарски вели себя безработные. 8 февраля 1886 года, после митинга, созванного СДФ, толпы людей, оставшихся без работы, бросились громить роскошные и богатые магазины в центре Лондона. Этот взрыв отчаяния привлек внимание широкой общественности к проблемам социальной несправедливости, неравенства и бедности в стране – как говорили тогда, к «социальному вопросу».

* * *

Иными словами, Кропоткин увидел совершенно иную Британию, чем та, которую он покинул несколькими годами ранее. «Социалистическое движение было теперь в полном разгаре, и жизнь в Лондоне больше не была для меня скучным, томительным прозябанием, как четыре года тому назад»[917]. Британский социализм только начинался! А раз так, существовала надежда направить хотя бы часть его в анархистское русло. В этом начинании Петр Алексеевич мог рассчитывать на поддержку отдельных анархистов и анархистски настроенных социалистов: Шарлотты Уилсон (1854–1944), состоявшей в Фабианском обществе; членов Социалистической лиги Сэмюэля Мейнуоринга (1841–1907), Фрэнка Китца и Джозефа Лейна, а также анархиста-индивидуалиста Генри Сеймура (1860–1938), который с 1885 года издавал небольшой журнал *The Anarchist*. Имелись также группы и клубы анархистских или революционно-социалистических немецких, итальянских, французских и

еврейских эмигрантов[918].

По приезду в Лондон Кропоткины временно остановились у Степняка-Кравчинского и его жены, которые снимали квартиру в доме № 42 по Алма-сквер в историческом районе Сент-Джонс-Вуд. Это были кварталы, где селились люди, желающие жить поблизости от центра города, но подальше от людской суеты, – деятели искусства и авантюристы. Сами Кравчинские были не очень довольны квартирой и сетовали на домохозяйку, а потому в том же году переехали[919].

То недолгое время, когда Кропоткины жили у Кравчинских, они оживляли старые знакомства и завязывали новые. Бывший узник Клерво вызывал большой интерес у британской образованной публики. Фабианец Сидней Вебб (1859–1947) и секретарь влиятельной благотворительной организации Королевского общества по предотвращению жестокости в отношении животных Джон Колэм (1827–1910) просили разрешения опубликовать в изданиях его портрет. Однако Петр Алексеевич отказался, «потому что это придает слишком большое значение отдельным личностям». Вместо этого он предложил опубликовать рисунок его кота, принадлежавший Софье Григорьевне[920]. Напомним: Кропоткин всю жизнь любил кошек; в тюрьме в Клерво он даже вел дневник наблюдения за котом, которого он называл Мсье Пюсси де Клерво[921], а сделанный им в заключении портрет пушистого товарища позднее висел в его доме-музее в Москве. Так что неслучайно скульптор памятника в Дмитрове хотел увековечить старого революционера рядом с сидящей на той же скамейке кошкой!

«С первых же дней по приезду пришлось видеть кучу народа и проводить часы за часами в толках о социализме», – рассказывал Петр Алексеевич в письме Лаврову. Он и Софья Григорьевна жили «на бивуаках, ожидая со дня на день переезда на новую квартиру», которая должна была быть «дешевой, здоровой и не страшно далекой от города». Наконец в апреле 1886 года им удалось снять небольшой дом в городке Харроу, в двадцати пяти минутах езды от Лондона по железной дороге, у подножья одноименного холма. 18 апреля Кропоткины переехали туда. Домик № 17 по улице Роксборо-роуд стоял в пяти минутах от железнодорожной станции, на самой окраине, практически уже в сельской местности («в нижней части города, на границе с полями»). Сама улица была немощеной и не имела освещения, выходя прямо на луга. Кропоткины закупили мебель, а частично смастерили ее сами с помощью Чайковского, также поселившегося поблизости от Харроу. «Дешево, огород есть, воздух роскошный, кругом поля»[922]. При коттедже была оранжерея, рос виноград. Кропоткин с удовольствием занимался выращиванием овощей и фруктов. Любил накормить гостей виноградом и русскими огурцами. В общем, это было как раз то, что нужно!

Вскоре после переезда Софья Григорьевна перенесла тиф, и муж даже опасался за ее жизнь, но на новом месте, работая в саду на свежем воздухе, она сравнительно быстро поправилась. Время от времени, раз в десять – пятнадцать дней, Петр Алексеевич выбирался в Лондон, чтобы поработать в библиотеке Британского музея[923]. Он, снова слегший было от бронхита в сыром климате, также чувствовал себя лучше. Супруги совершали прогулки по окрестностям. Эмигрант продолжал писать для «нашего мальчишки»[924] – *Le Révolté* – и зарабатывал на жизнь научными статьями. Постепенно его материальное положение выправилось, но далеко не сразу. Вера Николаевна Фигнер,

русская революционерка, один из лидеров «Народной воли» (1852–1942), вспоминала, что спустя десятилетия Софья Кропоткина рассказывала ей, что первые годы после переезда в Англию из Швейцарии супруги очень нуждались. Дело дошло до того, «что она с трудом могла раз в неделю купить кусок мяса для мужа»[925]. Софья Григорьевна время от времени пыталась подрабатывать частными уроками. В 1889–1890 годах она читала желающим курсы лекций по биологии и физиологии растений[926].

* * *

Еще в марте – начале апреля 1886 года, до переезда в Харроу, Кропоткин приступил к осуществлению своего намерения: способствовать организации британского анархистского движения. В первоначальную группу входили он сам с женой, Шарлотта Уилсон, еще один член Фабианского общества доктор Джон Бёрнс Гибсон и несколько других человек. Анархист-индивидуалист Сеймур выразил желание сотрудничать с ними и заявил о переходе на анархо-коммунистические позиции, предложив печататься в его журнале *The Anarchist*. Налаживались и связи с Социалистической лигой, которая пригласила Кропоткина выступить на митинге по случаю годовщины Парижской коммуны 18 марта. Эмигрант произнес страстную речь о близящейся социальной революции[927]. Как сообщали агенты германской полиции, в собрании приняли участие две с половиной тысячи человек, включая британских, немецких, французских, итальянских и русских революционеров. Вопреки ожиданиям, мероприятие завершилось мирно, принятием резолюций[928].

На этом митинге Кропоткин впервые лично познакомился с Уильямом Моррисом, с которым вскоре сблизился и сдружился. Взгляды Морриса, обличавшего уродство индустриально-капиталистической цивилизации и призывавшего возродить лучшие традиции децентрализованного и самоуправяемого ремесленного производства эпохи Средневековья, оказались близки Кропоткину, и можно с полной уверенностью сказать, что оба они оказали большое влияние друг на друга. Разносторонне талантливый человек – поэт, писатель, художник, издатель, дизайнер – Уильям Моррис был не просто убежденным социалистом и противником парламентаризма. Его перу принадлежит одна из лучших анархо-коммунистических утопий всех времен – роман «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» (1890). Написанная как бы в ответ на популярную тогда утопию Эдварда Беллами «Взгляд назад» (1888), в которой торжествует «социализм» в виде единого централизованного государственного треста с крайней степенью механизации и урбанизации, книга Морриса являет нам совершенно иной мир небольших децентрализованных селений-общин, живущих в гармонии с природой. Новое общество, утвердившееся после серии всеобщих стачек, ликвидировало государство и крупное централизованное индустриальное производство. Дым заводов и фабрик больше не уродует пейзаж «доброй старой Англии». Вместо этого люди производят именно то, что им необходимо, причем так умело и старательно, с такой любовью, что их изделия не уступают по качеству лучшим шедеврам средневековых мастеров. И безвозмездно отдают их тем, кто в них нуждается!

Вскоре, однако, семью Кропоткиных постиг тяжелый удар, и активную работу пришлось прервать. До Петра Алексеевича дошла трагическая весть о том, что его любимый брат

Александр, чьего освобождения ждали уже вскоре, 6 августа (25 июля по старому стилю) застрелился в сибирской ссылке. «Туча мрачного горя висела над нашим домиком несколько месяцев, до тех пор покуда луч света не прорезал ее, – вспоминал Кропоткин. – В следующую весну на свет явилось маленькое существо, носящее имя брата. И беспомощный крик ребенка затронул в моем сердце новую, неведомую до тех пор струну»[929]. Дочь Саша, Александра Петровна Кропоткина, родилась 15 апреля 1887 года[930].

У Кропоткина все валилось из рук. В письме к Лаврову он признавался, что «пережил очень тяжелый период жизни. Вы знаете, чем для меня был брат». Не меньшим испытанием, чем воспоминания и мысли об утрате, были письма от вдовы Александра, Веры: они «просто сердце разрывают. После каждого письма ее я снова на 2–3 дня совсем заболеваю»[931].

В конце 1886 года вдова погибшего Саши вместе с семьей на восемь месяцев приехала к Петру Алексеевичу в Харроу. Сын брата Николай (1878–1949), в то время еще маленький мальчик, вспоминал, что дядя «жил чрезвычайно скромно, – в доме было очень пусто и просто; целые дни он проводил в своем кабинете с самодельной мебелью за книгой и пером. Ко времени нашего приезда П[етр] А[лексеевич] жил только со своей женой и одной прислугой, англичанкой, которую вскоре заменила наша няня». Кропоткин «увлекался ручным трудом, столярничал, учил нас с братом разводить огород и радовался, что дозрел в лондонском климате виноград, выращиваемый им в неотапливаемой стеклянной оранжерейке, вроде терраски при доме». Из близких друзей в доме бывали Степняк-Кравчинский и Чайковский с женами и еще один эмигрант – инженер Линева. Кропоткин удивлял родственников «своей ловкостью в физических упражнениях, в езде на велосипеде» и в меткой стрельбе из винтовки по мишеням-бутылкам. А еще он учил детей строить укрепления из снега, «по всем правилам фортификации», считая ее наукой, необходимой для революционера. Сам Петр Алексеевич охотно принимал участие в снежных баталиях детворы. Позднее, когда семья брата покинула дом и вернулась в Россию, Кропоткин продолжал поддерживать с ними переписку. К десятилетию племянника Коли дядя Петя прислал ему в подарок готовальню с надписью: «Учись! Знание – сила!»[932]

* * *

Только осенью 1886 года Кропоткин оправился от переживаний настолько, что смог вернуться к своим планам и делам.

К этому времени участники группы, возникшей весной, убедились, что с Сеймуром дело иметь нельзя: он был непредсказуем. Перепады в настроении и взглядах сеяли сомнения в серьезности его намерений. Существовали опасения, что он попросту захочет полностью контролировать планируемую газету – подомнет ее «под себя». Статьи, которые Сеймур публиковал в своем издании, вызывали недовольство[933]. В октябре 1886 года группа, в которую входили теперь Кропоткин, Чайковский, Шарлотта Уилсон, Бёрнс Гибсон и итальянский анархист-эмигрант Мерлино, выпустила первый номер нового издания Freedom («Свобода»), получившего подзаголовок «Журнал анархистского социализма». Текст был набран в типографии Социалистической лиги – об этом позаботился Уильям Моррис. А помещения для бюро журнала (точнее, газеты) предоставила в своей «Издательской

компании свободомыслия» одна из лидеров Фабианского общества Анни Безант (1847–1933), урожденная Вуд, борец за права женщин, а в будущем видная деятельница теософии и активная участница движения за независимость Индии[934]. К кругу издателей присоединились также Нора Драйхёрст (Ханна Энн Робинсон, 1856–1930), Фрэнк Хайд и его жена.

Люди, объединившиеся для выпуска Freedom, провозгласили себя анархо-коммунистами, сторонниками устранения институтов власти и собственности и приверженцами равного доступа всех членов общества к труду на общее благо и к пользованию произведенными благами. Такое преобразование, говорилось в манифесте, которое увидел свет в первом номере газеты, может быть осуществлено только путем прямого действия самих людей, на основе уже сложившегося и складывающегося социального опыта и новых, соответствующих ему социальных норм. Издатели провозгласили принцип «позитивной свободы» – то есть возможности строить общественную жизнь на почве индивидуальной свободы, самореализации и отсутствия принуждения при добровольной договоренности и координации действий людей «снизу».

Газета Freedom, с которой Кропоткин ассоциировался на протяжении последующих двадцати восьми лет[935], стала совершенно новым изданием для британского социализма. Это не была публикация для активистов. Газета была обращена к тем, кто интересуется анархизмом и теми вопросами, которые поднимались анархистским движением. Она не столько агитировала, сколько информировала о происходящем в обществе и давала ему оценку. В ней можно было найти и новости, и сообщения из-за рубежа, и статьи, и политические манифесты, и даже стихи. Серьезный теоретический уровень и ответственный подход к материалу предопределили судьбу Freedom[936], ставшей самым долгоживущим анархистским изданием не только в Британии, но и во всем мире. Она регулярно выходила (с перерывами) до 2014 года, а в настоящее время существует в виде веб-сайта.

* * *

Не ограничиваясь печатной агитацией через газету, Кропоткин, едва оправившись от смерти брата, с головой ушел в митинговую и лекционную агитацию. «Осенью и зимою, – вспоминал он, – ко мне постоянно обращались с предложением читать лекции. Таким образом, я объехал почти все большие города Англии и Шотландии, читая лекции отчасти о тюрьмах, но больше всего об анархическом социализме. Так как я обыкновенно принимал первое сделанное мне предложение гостеприимства после окончания лекции, то мне приходилось иногда ночевать в богатом дворце, а на другой день – в бедном жилище рабочего. Каждый вечер я виделся после лекции со множеством народа, принадлежавшего к самым различным классам. И в скромной ли комнате рабочего или в гостиной богача завязывалась одинаково оживленная беседа о социализме и анархизме, продолжавшаяся до глубокой ночи, пробуждая надежды в коттеджах и опасения в богатых домах. Всюду она велась с одинаковой серьезностью»[937].

Выступления перед студентами и рабочими, как писал Кропоткин жене, – это «явление новое в английской жизни, нами вызванное»[938]. Ритм таких лекционных поездок Петра

Алексеевича требовал большого напряжения сил и энергии. Говорил он по-английски еще с небольшими ошибками, но постепенно его знание языка становилось все лучше и лучше. В ноябре – декабре 1886 года Кропоткин выступал в Ньюкасле, где встречался также с Коуэном и основателем общества «Друзья русской свободы», адвокатом Робертом Спенсом Уотсоном (1837–1911), читал лекцию о социализме перед двумя тысячами слушателей на собрании Социалистической лиги в Глазго, с успехом держал речи перед студентами и членами «Общества социальных реформ» в Эдинбурге (на один из митингов пришли шестьсот человек), перед собравшимися в Фалькирке, Данди, Хаммерсмите... Весной 1887 года он снова поехал на север Британии, где, пользуясь оплаченными лекциями в Лидсе и Шипли, прочитал там же лекции о социализме и анархии, а также выступил перед тысячной аудиторией в Бредфорде и в Шеффилде на собраниях Социалистической лиги. Оратор произвел такое впечатление на местную организацию Социалистической лиги в Глазго, что та начала тяготеть к анархистскому коммунизму.

Весьма плодотворным было пребывание в Эдинбурге. У шотландского ученого, профессора Джона Стюарта Блэки (1809–1895), он познакомился с людьми, которым предстояло стать его близкими друзьями: биологом Патриком Геддесом (1854–1932), пионером идеи защиты окружающей среды и экологического градостроительства, и профессором-экономистом Джеймсом Мейвором (1854–1925). Благодаря Геддесу Кропоткин встретился также со знаменитым полярным исследователем Фритьюфом Нансеном (1861–1930).

Мейвор, бывший член Социалистической лиги, который позднее, в 1898–1899 годах, помогал Кропоткину в осуществлении плана переселения в Канаду членов русской религиозной общины духоборов, был сразу же впечатлен видом Петра Алексеевича. Вот его описание: «Он был невысок, не больше пяти с половиной футов ростом, хрупкого телосложения, с необычно маленькой ногой, тонкой талией и широкими плечами. У него были короткая шея и крупная голова. Он носил густую каштановую бороду, которую редко подстригал и которая никогда не теряла своего отличительного характера. Верх головы был безволосым, но по бокам и на затылке у него росли обильные каштановые волосы. В глазах его светилась гениальность, а когда он бывал возбужден, они становились почти раскаленными. Его манера держаться напоминала о дворе, но его искреннее и теплое сердце выливалось в нежную заботу о друзьях»[939]. Действительно, Кропоткин всегда был готов прийти на помощь родным и друзьям. Он посылал деньги брату, пока тот был жив, после смерти поддерживал его семью, помогал иностранным товарищам, которые испытывали затруднения в Лондоне, и даже делился с нищими и попрошайками, приходившими к его дому, – когда было что им дать.

Кропоткин продолжал свои выступления. Позднее в 1887 году он посетил с лекциями для рабочих Ньюкасл, Блейдон, Сандерленд.

* * *

Напряженная жизнь, связанная с частыми разъездами при непрекращающейся работе над статьями и подготовкой книги о русских и французских тюрьмах, время от времени сказывалась на здоровье. Но от издания этих книг и статей зачастую зависело выживание

его семьи.

В статьях Кропоткина весьма частым было обращение к географическим исследованиям русских ученых. В одной из них, опубликованной в 1904 году в журнале *The Geographical Journal*, Кропоткин рассказал о поиске участников Русской полярной экспедиции (1900–1902). Ее целью было исследование части Северного Ледовитого океана, расположенной к северу от Новосибирских островов[940].

Экспедицией руководил известный геолог барон Эдуард Васильевич Толль (1858–1902). Он верил в существование легендарной Земли Санникова – огромного острова или даже континента, якобы скрытого под ледяной шапкой. Далекая северная земля получила свое название от фамилии купца-зверопромышленника Якова Санникова, добывавшего песцов и мамонтову кость; однажды он наблюдал над морем высокие каменные горы. Эта гипотеза будоражила умы ученых, мореплавателей, писателей, да и просто искателей приключений. Один из ее искателей, географ и геолог Владимир Александрович Обручев (1863–1956), даже написал фантастический роман «Земля Санникова» (1924) о вымышленной экспедиции, открывшей среди льдов Арктики прекрасную землю с теплым климатом, согреваемую вулканами. На этом острове живут первобытные племена онкилонов и вампу, воюющие между собой. Там бродят мамонты, пещерные медведи и другие древние животные. Роман завершается трагической гибелью теплого оазиса Арктики в результате страшного землетрясения. Кстати, Обручев, в честь которого в советские времена назвали довольно длинную улицу на юго-западе Москвы, в какой-то мере был последователем Кропоткина. Но не анархистом-коммунистом, нет... Он всего лишь поддерживал и развивал выводы Петра Алексеевича по теории оледенения[941].

Кропоткин не был писателем-фантастом. Но, изучая маршруты перелетов птиц, он пришел к выводу, что далеко на Севере может располагаться огромный остров или архипелаг. И если бы не отказ в финансовой поддержке, то как знать – может быть, и он, подобно Толлю, еще в 1870-е годы отправился бы в далекое плавание и погиб со своими спутниками, затерянный в бескрайних ледяных пустынях.

Одним из главных героев этой статьи Кропоткина был молодой мореплаватель, лейтенант флота Александр Васильевич Колчак (1874–1920), будущий командующий Черноморским флотом, а затем и лидер Белого движения. В 1903 году он руководил спасательной экспедицией, искавшей следы потерянной группы Толля, но нашедшей лишь остатки лагеря его экспедиции, личные вещи и дневники отважного исследователя.

* * *

В конце 1886 года Петр Алексеевич включился в агитацию против смертных приговоров, вынесенных «чикагским мученикам» – пятерым рабочим-анархистам, которые возглавили выступления в североамериканском Чикаго за восьмичасовой рабочий день 1–4 мая 1886 года. Десятки, сотни тысяч рабочих по всей стране устроили в те майские дни забастовку, добиваясь осуществления знаменитого тогда девиза «8–8–8»: восемь часов на работу, восемь – на сон и восемь – на свободное время. Митинги рабочих разгонялись полицией,

силой оружия. 4 мая на чикагской площади Хаймаркет кипел массовый митинг против полицейского насилия. Какой-то провокатор швырнул бомбу, и это стало сигналом для расстрела собравшихся. В случившемся обвинили рабочих вожаков – анархистов. Реальных доказательств их причастности к взрыву не было, но для американского истеблишмента это было неважно. Анархист – значит уже виновен! Обвиняемым грозила смертная казнь.

14 октября 1886 года Кропоткин выступил на крупном митинге в Лондоне с требованием отменить расправу. На трибуну ораторов поднимались Уильям Моррис, драматург и фабианец Бернард Шоу (1856–1950), Анни Безант, проповедник «единого налога» Генри Джордж (1839–1897), Степняк-Кравчинский[942]. Но, несмотря на широкую кампанию солидарности в различных странах мира, четверо из осужденных – Август Шпис, Альберт Парсонс, Адольф Фишер и Джордж Энгель – были казнены 11 ноября 1887 года. Еще один, Луис Лингг, покончил с собой. В память о них в мире стали отмечать день Первого мая – день международной солидарности людей труда и день памяти о павших борцах за рабочее дело.

А в воскресенье 13 ноября 1886 года Кропоткин, рискуя своим положением эмигранта, вышел на большую демонстрацию в Лондоне[943]. Ее участники намеревались выразить протест против растущей безработицы и репрессий британских властей в Ирландии. Десять тысяч рабочих и безработных, во главе которых шли социалисты Уильям Моррис, Джон Эллиот Бёрнс (1858–1943), Каннингем Грэм (1852–1936), Анни Безант и другие, пришли на центральную Трафальгарскую площадь, где уже собрались тридцать тысяч любопытствующих. Среди участников протеста были также Шарлотта Уилсон, Джордж Бернард Шоу, дочь Карла Маркса Элеонора Эвелинг (1855–1898). Против демонстрантов были брошены пехота, кавалерия и усиленные отряды полиции. В ходе завязавшихся уличных столкновений множество людей получили ранения, сотни были задержаны. Это событие, которое современники называли «кровавым воскресеньем», способствовало росту популярности радикальных идей, включая социализм и анархизм.

Агитационная и лекционная деятельность эмигранта-анархиста продолжалась и в последующие годы. В 1888 году он принимал активное участие в кампании митингов в память казненных чикагских анархистов. Эти мероприятия были устроены по случаю приезда в Британию вдовы одного из них – Люси Парсонс (1851–1942). В 1889 году Кропоткин неоднократно выступал в Лондоне и посетил с лекциями Глазго, Абердин, Данди, Эдинбург и район Манчестера. Летом Петр Алексеевич ездил к бастующим лондонским докерам и воодушевлял их своими речами. В ходе этого конфликта, принесшего успех ста тысячам рабочих, Кропоткин познакомился с рабочими лидерами Бенджамином Тиллетом (1860–1943) и Томом Манном (1856–1941), который позднее стал одним из основателей революционного синдикализма в Британии. В 1890 году Кропоткин читал лекции в Дарлингтоне, Лейчестере, Плимуте, Бристоле, Манчестере, Уолсолле и других городах. Темы его выступлений были самыми разными – от репрессий в России и вопросов анархистской теории до научных и культурных[944].

Значительная часть лекций проводилась за плату. Правда, плата эта могла быть очень умеренной, в пределах нескольких пенсов за вход. Но это помогало семье Кропоткина выживать, что он отмечал в одном из писем Лаврову: «Словом, в 1889–1890... я имел 148

фунтов чистых от лекций. В прошлом году, когда я не хотел отрываться от работы лекциями и взял только несколько, было 60£ чистых же»[945].

В последующие годы его пропагандистская активность идет на убыль: Петр Алексеевич по-прежнему время от времени читает лекции, выступает на собраниях и митингах, но уже говорит скорее от себя лично, больше как ученый и теоретик. Упомянем лишь некоторые из таких мероприятий. Так, 1 ноября 1890 года Кропоткин выступал на митинге против преследования евреев в царской России в Майл-энде вместе со Степняком-Кравчинским, Феликсом Волховским, дочерью Маркса Элеонорой и Уильямом Моррисом.

11 ноября 1891 года он был одним из выступавших на митинге в Этическом обществе в память казненных чикагских анархистов. Другими ораторами там были Луиза Мишель и Малатеста. 7 февраля 1896 года Кропоткин выступил в Институте рабочей молодежи. В январе 1897 года держал речи на митингах солидарности с испанскими революционерами, которых пытали в барселонской тюрьме. Особенно крупным мероприятием с его участием стал марш из Майл-энда и митинг в Гайд-парке 21 июня 1903 года против Кишиневского погрома евреев в России. На нем собрались двадцать пять тысяч человек. Кропоткин, подъехавший с опозданием, был на руках пронесен через толпу и произнес речь по-русски и по-английски, несмотря на болезнь. В последующем лечащий врач запретил Кропоткину выступать на публичных митингах, тем не менее революционер принял участие в церемонии открытия и пятничных лекциях в Лондонском рабочем клубе, созданном в феврале 1906 года.

* * *

Кропоткин был весьма популярен среди населения Уайтчепела – района, где жили еврейские рабочие-иммигранты. Здесь, на Бернер-стрит, находился «Международный клуб по просвещению трудящихся», основанный еврейскими анархистами и социалистами. В этом «Бернер-стрит клуб»[946] весьма частым гостем и одним из самых любимых ораторов и был наш Петр Алексеевич.

Саул Яновский (1864–1939), в то время редактор анархистской газеты на идиш *Der Arbeter Fraund*, вспоминал, как однажды после лекции в «клубе» Кропоткина буквально облепила толпа детей местных бедняков: «Я не знаю, что их привлекло к нему: борода ли его или широкая изношенная шляпа, которую он тогда носил. Но факт тот, что дети-оборвыши окружили его. В этот момент я действительно видел перед собою живого рождественского Дедушку Мороза, стоявшего в кругу бедных детей, вместо подарков дарившего им любовь, излучавшуюся из его глаз. Эту картину я никогда не забуду, как не забуду и выражения счастья, отразившегося на маленьких исхудалых личиках детей, головки которых он гладил или ручки которых он пожимал на прощанье»[947].

В отношении к детям он всегда чем-то напоминал Деда Мороза или доброго волшебника из сказки. Внимательный, веселый, готов заступиться и утешить. Его племянница Екатерина вспоминала, как однажды он застал ее, семилетнюю девочку, плачущей. Дети обычно ломают любимые игрушки, а она разорвала платье куклы. Дядя Петя сел вместе с ней

зашивать платье: «И надо было видеть эту картину! Занятой, обычно спешивший куда-то по делу... конечно, не умевший шить платья кукле, он сидит, чтобы утешить ребенка, и что-то ковыряет иглой, не спеша, ободряя бесконечно ласково...»[948] А когда Катя была совсем маленькой, дядя весело прятал баловавшегося ребенка за своей огромной бородой[949].

Другой случай, вспоминала она, произошел в Дмитрове. Уже семидесятивосьмилетний Петр Алексеевич помог пятилетнему мальчику собрать грибы, которые тот рассыпал из корзины, успокаивая при этом незадачливого грибника[950]. Там же, в Дмитрове, он проводил бесплатные занятия для двух крестьянских мальчиков. Назначил им программу чтения книг и отвечал на все вопросы об окружающем мире, какие у них возникали[951].

В конце 1860-х – начале 1870-х годов Кропоткин много времени проводил с племянниками. Кроме театрализованных представлений, он читал им сказки, дарил книги по естественной истории, произведения Некрасова и Диккенса. С воспитываемыми, но без занудства, дарственными надписями: «Коточку, чтобы он почаще плакал о страдающих»[952]. Коточек – это Екатерина Половцова. А надпись дядя Петя сделал на книжке сказок Н. П. Вагнера «Кот Мурлыка». Потом дядя читал ее вслух и до того душевно, что плакала не только девочка, но и он сам[953].

Да и последователи Кропоткина к детям всегда проявляли особое внимание. В них видели будущих творцов Анархии, а в настоящее время – жертв Власти в лице государства (в том числе ювенальной юстиции), церкви, эксплуатирующих детский труд помещиков и капиталистов. Многие из анархистов (Поль Робен, Себастьян Фор, Франсиско Феррер-и-Гуардия) создавали очень успешные и весьма известные в то время школы, действовавшие в духе «свободного воспитания», позволявшие детям бедняков не только усвоить основы научной картины мира, но и получить навыки ремесленного и сельскохозяйственного труда, важные при получении профессии в будущем. В России, между прочим, почти такие же идеи в своей яснополянской школе проводил Лев Николаевич Толстой. Свободное воспитание – это своеобразная Анархия для школьников. Учеба без принуждения и наказаний (вплоть до отмены оценок), ориентированная на всестороннее развитие способностей ребенка, с самоуправлением, свободой, равенством в общественно полезном труде и распределении благ.

Писали и сказки для детей... Жан Грав, популяризатор идей и работ Кропоткина во Франции, написал детскую сказку «Удивительные приключения Ноно». Анархист-коммунист Ноно был ярким предшественником марксистских Незнайки Николая Носова и Чиполлино Джанни Родари. В России книжку Грера впервые издали толстовцы в 1918 году[954]. Это была захватывающая история о том, как маленький мальчик из очень бедной семьи попадает в страну Автономию – свободное анархическое общество. В эту страну его приносит фея Либерта (Свобода). Здесь привольно, дружно и сытно живут дети самых разных народов: Ахмед, Ганс, Гретхен, Лола, Саша, Фриц и т. д. Они учатся и проводят свободное время творчески и весело. Грав специально вставил в книгу для французских детей кучу немецких имен, дабы преодолевать в их сознании ненависть к «бошам», как называли немцев французы, жестоко битые германскими войсками во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Простить прусский парад победы по улицам Парижа и коронацию германского императора в резиденции королей Франции, Версале, было очень

непросто...

После анархо-коммунистической страны детей Ноно попадает в мир, где правят тираны, мир, гротескно похожий на Европу и Россию начала XX века. За новые убеждения его подвергают преследованиям. Заканчивается сказка пробуждением мальчика от прекрасных грез. Ему придется подумать над своими снами и решать, как теперь жить.

* * *

В 1898 году Кропоткин принял участие в кампании в защиту публициста Владимира Львовича Бурцева (1862–1942), издателя журнала «Народоволец», известного своими разоблачениями агентов тайной полиции, внедренных в революционное движение. Бурцев был арестован в декабре 1897 года за публикацию материалов, побуждающих «к убийству лица, не состоящего в подданстве Ее Величества»[955]. Речь шла об агитации за покушение на Николая II, которое рассматривалось Бурцевым как акция, являющаяся частью борьбы за введение в России конституционной, парламентской системы правления.

Кропоткин, консультировавший Бурцева в этой ситуации, лично изучил перед процессом тексты «Народовольца», которые как доказательная база были предъявлены британскому правительству представителями Российской империи. Вместе с адвокатами Бурцева он присутствовал в зале суда[956].

Несмотря на нездоровье, Кропоткин старался по крайней мере принимать участие в ежегодных мероприятиях, устраиваемых анархистами в память Парижской коммуны 18 марта и «чикагских мучеников» 11 ноября. Но даже это получалось не всегда[957].

Лекционные и агитационные туры Кропоткина проходили и в других странах. 20 декабря 1887 года он прочитал в Париже лекцию о воздействии тюремного заключения на этику и мораль заключенных[958]. В 1890 году Петр Алексеевич собирался посетить США, но в последний момент тур был отменен. В марте 1896 года по приглашению Жана Грва он попытался поехать во Францию, чтобы прочитать лекцию о государстве, но неожиданно для себя получил отказ: оказалось, еще 20 февраля правительство приняло решение о его высылке из страны[959]. Телеграмма, врученная ему на французском берегу в Дьеппе, была подписана лично премьер-министром страны Леоном Буржуа. На следующий год Элизе Реклю пригласил Петра Алексеевича читать лекции в основанном им Свободном университете в Брюсселе, но теперь уже бельгийское правительство отказало анархисту во въезде.

Зато в 1897 года Кропоткину удалось посетить с лекциями Канаду и США. Официально он отправился по приглашению «Британской ассоциации содействия развитию науки», чтобы участвовать в научной конференции в Торонто. 20 и 24 августа Кропоткин выступил с докладами «Об озерах Финляндии» и «О направлении линий строения в Евразии». Затем была экскурсионная поездка по железной дороге через Скалистые горы на тихоокеанское побережье, в Ванкувер. Это прекрасное путешествие через прерии, леса и горы навевало воспоминания о Сибири. Он даже назвал Канаду «маленькой Сибирью», чем уязвил

патриотические чувства одного студента-канадца[960].

Находясь под впечатлением от федералистской политической системы Канады, Кропоткин в одном из писем Георгу Брандесу заметил, что одним из наиболее предпочтительных вариантов развития России после свержения монархии могло бы стать установление федеративной республики с автономными парламентами для каждого штата[961].

В середине октября он уехал в США, где был запланирован лекционный тур[962]. Съезд «Американской ассоциации содействия развитию науки» в Детройте... Конференция Национального географического общества в Вашингтоне[963]... Лекции в Бостоне, Патерсоне, Нью-Йорке, Филадельфии и Чикаго... Встречи с ведущими американскими анархистами...

Эти выступления были посвящены таким темам, как теория анархизма, русская история и литература, положение политзаключенных и ссыльных в России, история социалистического движения, роль фактора взаимопомощи в эволюции природы и общества. Организаторами его лекций были как анархисты, так и сочувствующие Кропоткину общественные деятели, просветительские рабочие, женские и студенческие организации, университет Лоуэлла (Бостон, штат Массачусетс). Одну из лекций провело Американское общество друзей русской свободы, объединявшее сочувствующих освободительному движению в России. На лекции собиралось от двух до пяти тысяч человек. Собранные деньги помогли возродить журнал *Solidarity* и вдохнуть новую жизнь в американское анархистское движение[964]. Заработок же самого Кропоткина не был значительным. Только лекции в университетах Гарварда и Лоуэлла были оплачены, остальные же «едва покрывали расходы»[965].

Но турне оказалось решающим для нового прорыва в творчестве Кропоткина. Мэйвор и редактор журнала *The Atlantic Monthly* Уолтер Хайнс Пэйдж убедили его совершить путешествие по собственной жизни – написать воспоминания. Так началась работа над «Записками революционера». В сентябре 1898-го – сентябре 1899 года мемуары Кропоткина увидели свет на страницах *The Atlantic Monthly*, а затем вышли в одном из бостонских издательств[966].

Впрочем, не следует думать, что все турне Кропоткина по Северной Америке было переполнено приятными впечатлениями. Петра Алексеевича потрясла Хэзлтонская бойня. 10 сентября 1897 года в городе Хэзлтон (штат Пенсильвания) полицейские во главе с местным шерифом расстреляли демонстрацию бастующих шахтеров. Доблестные стражи порядка убили двадцать одного и ранили сорок человек, польских и чешских рабочих-эмигрантов. На это событие Кропоткин отреагировал статьей «Убийство Хэзлтона» в газете французских анархистов *Les Temps Nouveaux*. «Ничто, ничто, кроме войны, войны без пощады, не приведет к какому-либо решению в Соединенных Штатах, – возмущенно писал он. – И война будет ужасна, ибо предел терпения рабочих давно уже преодолен»[967]. Эта точка зрения осталась неизменной. Интерес к практике строительства федеративной государственности в США Кропоткин проявлял, но никаких комплиментов американской демократии не произносил. Политическую систему США он назвал «растлевающей», коррумпированной, фактически не дающей возможности рядовым гражданам защитить свои интересы: «Люди, которые избираются на должность, чтобы вести борьбу за массы против господства

немногих, каждый раз, или с незначительными исключениями, покупаются врагом, так что для обеспечения полной свободы народа американская нация начинает понимать, что традиционные формы правления совершенно неадекватны»[968]. Надежды на радикальные перемены здесь, полагал он, связаны только с американским рабочим движением, активно проводившим забастовки, и с влиянием социалистических идей[969].

В 1901 году тур в Северную Америку был повторен. На сей раз Кропоткин прочел курс из восьми лекций о русской литературе в университете Лоуэлла, а затем выступил с докладами об анархизме в Нью-Йорке и Чикаго. Также он прочитал ряд лекций для студентов и преподавателей университетов Гарварда, Уэллесли, Висконсина и Иллинойса[970].

Самым популярным лекционным шлягером стала лекция «Анархизм: его философия и идеал». Сначала он читал ее в Бостоне на собрании, организованном местными анархистами. В своей речи Кропоткин не только критиковал государственный социализм и рассказывал о программе анархо-коммунистических преобразований, но и защищал анархистов, сопротивлявшихся силой принудительной власти государства. Их действия он рассматривал как ответ на жестокости властей. «Это мы имеем право говорить о насилии, а не они»[971], – заявил Кропоткин. По этой же теме он выступил на митингах перед четырехтысячной аудиторией в Нью-Йорке, а затем – перед трехтысячной в Чикаго[972]. Во время поездки Кропоткин встретился с Джорджем Кеннаном (1845–1924), автором работ о каторге и ссылке в Сибири и активистом Американского общества друзей русской свободы. Во время встречи они обсуждали политическую ситуацию в России[973]. Вероятно, под влиянием этой беседы Кеннан решился на новую поездку в Российскую империю.

Эта поездка почти обессилила Кропоткина физически. В апреле он слег с гриппом на неделю, в ноябре – пережил сердечный приступ, чуть не отправившись в мир иной... «Сегодня ровно месяц с того дня, как я едва не умер, – писал Петр Алексеевич 12 декабря 1901 года Гильому из Брайтона, где поправлялся после приступа. – Сердце совершенно остановилось. Это не был обморок – я ни на минуту не потерял сознание: я говорил Софье и Саше (моей девочке), что надо делать. Но я чувствовал, что жизнь кончается. В течение часа нельзя было обнаружить ни малейшего биения сердца. Грудная жаба или, скорее всего, просто переутомление: я слишком много работал последние 7–8 месяцев, включая поездку по Америке, т. е. прочел там курс лекций в Бостоне, а затем делал доклады до бесчувствия перед 4000 и 5000 человек об анархии! И затем инфлюэнца на пути из Нью-Йорка в Чикаго»[974].

Но итоги поездки снова были впечатляющими. И дело не только в том, что великий анархист за счет лекционных сборов получил значительные пожертвования для Freedom, Les Temps Nouveaux и выходившего в Сан-Франциско анархистского журнала Free Society[975]. По признанию американских анархистов, организовавших его митинги и лекции, визит Кропоткина дал сильный импульс распространению анархистских идей[976]. В течение двух месяцев миллионы людей читали в газетах о его поездках по США, десятки тысяч слушали лекции, сотни людей лично познакомились с Кропоткиным.

Но этот успех вышел ему и анархистам боком. Американские власти были встревожены подобной рекламой идей безгосударственного самоуправления и социальной революции. В

сентябре 1901 года появился повод расправиться с последователями Кропоткина. Как всегда бывает в таких случаях, помог «энтузиазм» самозваного одиночки – сочувствовавший анархистам Леон Чолгош застрелил президента США Уильяма Мак-Кинли. По стране стали распространяться слухи об анархистском заговоре, организованном Эммой Гольдман и Петром Кропоткиным. Американских анархистов начали арестовывать. А в 1903 году Конгресс принял закон, запретивший анархистам въезд в США. И этот законодательный акт до сих пор действует в демократической Америке, как и многие очень архаичные законы, принятые законодательными собраниями отдельных штатов и Конгрессом еще в конце XVIII и XIX веке. Больше Кропоткин не мог приехать в Штаты.

* * *

Во время американского турне 1901 года пересеклись пути Петра Кропоткина с Эндрю Карнеги (1835–1919). Богач, владелец сталелитейных заводов, пригласил князя-анархиста посетить дворец скромного американского миллионера. Кропоткин отклонил приглашение, пояснив, что не может воспользоваться «гостеприимством человека, который содействовал осуждению другого человека на 22 года». Тем более что тот другой – последователь Кропоткина, его «товарищ, Александр Беркман»[977]. Как мог Петр Алексеевич забыть об истории, которая произошла всего девятью годами ранее? 23 июля 1892 года, в ответ на жестокую расправу полицейских и агентов частного агентства Пинкертон над бастующими рабочими сталелитейного завода Карнеги в Пенсильвании, американский анархист Александр Беркман (1870–1936) попытался застрелить управляющего заводом Генри Клея Фрика (1849–1919). Эту месть молодой эмигрант из России, племянник Марка Натансона, планировал вместе со своей подругой Эммой Гольдман. «Фрик виновен в этом преступлении и должен ответить по заслугам», – говорил он Эмме. «Я убью Фрика, и меня, конечно же, приговорят к смерти. Я умру с достоинством и буду знать, что отдал жизнь за людей. Но умру я только от своей собственной руки, как Линг»[978]. Ворвавшись в контору «эффективного менеджера», анархист трижды выстрелил в него из револьвера, однако Фрик остался жив. Вероятно, поэтому Беркмана приговорили не к смертной казни, а всего лишь... к 22 годам тюремного заключения. Товарищи по всему миру устроили кампанию в его поддержку. Присоединился к ней и Кропоткин. Он даже пытался навестить узника, специально заехав в тюрьму в Питтсбурге, но в свидании ему был отказано[979].

Зато куда лучше сложились у Карнеги отношения с императором Николаем II. В 1910 году Эндрю Карнеги подарил ему слепок скелета диплодока – ящеротазового динозавра, обитавшего 157,3–145 миллионов лет назад в заболоченных и мелководных водоемах Северной Америки. Этот слепок украшает один из залов в здании Палеонтологического музея имени Ю. А. Орлова на улице Профсоюзной, в Москве. Мог ли предполагать император, что по воле истории и его останки спустя десятилетия станут предметом интереса ученых? О них будут написаны научные монографии... Что же, как говорил Михаил Бакунин: «Перед вечностью все тщетно и ничтожно»...

Но не только Карнеги, но и вообще богачей Петр Алексеевич не баловал вниманием. Известный архитектор и анархистский публицист Джон Эдельман (1852–1900), ставший одним из импресарио Кропоткина в США, вспоминал, как однажды днем, во время первого

приезда Петра Алексеевича за океан, на квартиру к ним пришел известный нью-йоркский банкир, жаждавший пригласить анархистскую знаменитость, к тому же князя, к себе на обед. Эдельман ответил, что Кропоткин плохо себя чувствует и пошел подышать свежим воздухом в Центральный парк. Петр Алексеевич в это время прятался в соседней комнате. Но, как только банкир ушел, пришли два рабочих-анархиста. Кропоткин тут же вышел навстречу, сияющий от радости. Беседовал с ними несколько часов на их родном идиш. И при этом сказал, что предпочитает анархистов и рабочих банкирам[980].

Во время поездок в Америку проявилась острая неприязнь Кропоткина к бойким журналюгам. Еще в 1884 году, когда герой нашей книги отбывал срок в тюрьме Клерво, в журнале *Athenaeum* написали, что Кропоткин и Лавров толкают молодежь на смерть, а сами живут в безопасности и комфортабельных условиях. Пришлось написать жесткое письмо и напомнить, что в этот момент Петр Алексеевич жил в весьма «комфортабельной» и «безопасной» камере тюрьмы. Добился извинений[981].

В 1897 году в Нью-Йорке произошла крайне неприятная история. После уговоров своих американских друзей и прежде всего Саула Яновского Петр Алексеевич решил все же устроить пресс-конференцию для репортеров местных газет, пробеседовав с ними больше часа. На следующий день, развернув газету *New York Evening Journal*, Кропоткин узнал о себе нечто новое и интересное. По современным меркам заметка была не самой обидной. Репортер не делился слухами о подробностях сексуальной жизни Петра Алексеевича, не развлекал читателя «сенсациями» об источниках его «богатств», не рассказывал о его тайном влиянии на ход президентских выборов в США. Зато нечистоплотный газетчик вдохновенно врал о том, как «князь Кропоткин бегал по улице и выпрашивал папироску». Так себе, мелкое хулиганство. «Я еще никогда в жизни не видел Кропоткина таким страшно взволнованным и обозленным», – вспоминал Яновский. «Как человек может быть таким лгуном?!» – грохотал его голос. Пришлось Эдельману вместе с Кропоткиным отправиться в редакцию желтой газеты. Опровержение было напечатано в свежем номере, но мелким-мелким шрифтом и подальше от глаз читателя[982].

Точно так же Кропоткин не выражал симпатию к изданию собственных портретов. Яновский вспоминал, как Петр Кропоткин запретил редакции *Die Freie Arbeiter Stimme* издавать серию своих портретов для распространения среди читателей. Он заявил, что «не хочет, чтобы из него сделали икону»[983]. Вот почему какое-то время его фотографии были очень редкими. Екатерина Половцова рассказывала один изумительный случай. В 1897 году она встретила в Брюсселе с Софьей Григорьевной. Получив фотографию дяди, пошла сделать копию к фотографу. Узнав, что речь идет о знаменитом Кропоткине, мастер светописи стал упрашивать оставить ему хотя бы негатив, суля заплатить сто франков. И был очень расстроен, получив отказ[984].

* * *

Но и до запрета на въезд в США у Кропоткина было немало проблем с властями. «Письма ко мне (отовсюду) жестоко вскрывают. Нахожусь здесь под строгим надзором»[985], – предупреждал он Марию Гольдсмит в 1907 году.

Въезд в любую европейскую страну, кроме Великобритании, был для Кропоткина не самым простым делом... Екатерина Половцова рассказывает, какими сложностями была обставлена их встреча в Нидерландах в 1898-м. Екатерине Николаевне пришлось обратиться к влиятельному другу – священнику Хендрику Гиллоту, возглавлявшему общину Голландской реформатской церкви в Петербурге. Он интересовался, может ли Кропоткин встретиться на территории этой страны со своей племянницей? Гиллот написал своему бывшему сокурснику, другу министра внутренних дел Нидерландов. После столь сложных переговоров, через посредника, с министром Гиллот выяснил, что «никаких неприятностей Кропоткину не будет сделано»[986].

А дальше следовали очень популярная в официальных бумагах частица «но» и перечень условий. На территории Нидерландов Кропоткин может находиться не более семи дней. Свидание с родственницей возможно только «в одном из любых маленьких городов», ни в коем случае не в Амстердаме и Роттердаме. «Во избежание каких-либо уличных демонстраций, так как личность его слишком популярна в Голландии»[987].

Встреча состоялась. Все же Катя встретила его и Сашу у трапа парохода в Роттердаме. Половцова вспоминала, что от пристани до гостиницы стояли люди, приветствовавшие ее знаменитого дядю. В тот же день они выехали в небольшой курортный городок Арнем, на восток[988].

В поездке Половцову сопровождал Гиллот, который и сам был не прочь познакомиться с Петром Алексеевичем. Поскольку это была первая встреча после долгих лет разлуки, Екатерина волновалась. Ведь дядя – всемирно известный анархист. Как он воспримет оплаченные ею роскошные апартаменты гостиницы с видом на Рейн, дорогие вина, шампанское, шоколад и дорогие сигары? Эти вопросы не на шутку волновали ее. Но Петр Алексеевич не протестовал. «Дядя был положительно всем доволен, восхищался чудным видом на Рейн, говорил, что любит Голландию за то, что голландцы – свободный народ, курил дорогие сигары и хвалил их, пил шампанское, был весел, очаровательно мил и жизнерадостен»[989]. Священник, анархист, его племянница и дочь гуляли по окрестностям Арнема, спорили до хрипоты об анархизме, истории Нидерландов и России, любовались платановыми аллеями, росшими здесь с древних времен. Через четыре дня они распрощались. Петр Алексеевич уехал в гости к анархисту Фердинанду Домеле Ньивенхёйсу (1846–1919). «Передай всем, что я всей душой стремлюсь в Россию и не теряю надежды на то, что это удастся»[990], – сказал он на прощание Екатерине Половцовой.

* * *

Хотя бурные события и лихорадочная агитация анархистов способствовали росту их популярности в Британии, создать настоящее влиятельное анархистское движение в стране так и не удалось.

Слишком сильна была вера британских трудящихся в мирные постепенные реформы. Позднее, в 1895 году, Кропоткин объяснял американской анархистке Эмме Гольдман (1869–1940): «У британской буржуазии есть все основания бояться недовольства масс, и

политическая вольность в этом случае – лучшая защита... Английские политики хитры, они всегда держат политические поводья ослабленными. Британскому обывателю нравится думать, что он свободен, – так он забывает о нищете. В этом вся ирония жизни здешнего рабочего класса»[991].

До подъема британского синдикализма на волне разочарования очень умеренными и мирными тред-юнионами было еще очень и очень далеко. Британские анархисты, несмотря на наличие у них блестящих умов и талантливых авторов, оставались изолированными в обществе. «Их пропаганда, – констатировал в 1890-х годах Альбер Метен, – распространялась среди иностранцев бедных кварталов, среди портных, русских евреев Гундсдича и Уайтчепела, итальянских поваров и мастеровых Ислингтона, французских рабочих Лейчестерского сквера и Тотнэм-Корт-роуд». В среде английских рабочих она не проникла, и анархизм, подытоживал французский автор, «еще не организовался в Великобритании, как на материке». Анархистские газеты выходили, устная агитация продолжалась, но ее размах оставался ограниченным. «Британская полиция доставляет гораздо меньше беспокойства анархистам, чем агенты, содержащиеся в Лондоне властями материка и обязанные надзирать за беглецами. Ораторы говорят по воскресеньям, взобравшись на табурет на углу улицы, рядом с социалистическим митингом или собранием салютистов. Они приходят на большие собрания Гайд-парка. На последней манифестации 1 мая учредительный комитет предоставил им одну из платформ-трибун»[992].

Вероятно, именно ограниченность влияния анархистов в Британии послужила одной из причин того, что в последующие годы Петр Алексеевич постепенно все больше отходил от «активистской» деятельности. Он перестает участвовать в работе редакции Freedom, хотя продолжает писать регулярные статьи для этой анархистской газеты. Другой причиной могли быть проблемы со здоровьем, сильно подорванным годами странствий и тюрем: от последствий старых болезней Кропоткин так никогда полностью не оправился и страдал от периодического недомогания в сыром английском климате. Наконец само положение политического эмигранта в известном смысле связывало руки для прямой революционной деятельности на территории страны, где было получено убежище.

Все это привело к тому, что Кропоткин не вошел ни в одну из организованных анархистских групп Британии и ограничился чтением лекций, эпизодическими выступлениями на митингах, собираемых по различным поводам анархистами и рабочими клубами, написанием статей и теоретической работой. Его материалы в последующие годы регулярно появлялись не только в Nineteenth Century и нескольких анархистских газетах, включая Freedom и французские La Révolte («Бунт», 1887–1895) и Les Temps Nouveaux («Новые времена», 1895–1914), которые издавал Жан Грав, но временами и в таких изданиях, как либеральные The Speaker, The Forum или североамериканские журналы The Atlantic Monthly, The North American Review и The Outlook.

Но вот совсем уходить из движения он не собирался... «Я понимаю, когда речь идет о том, чтобы в определенном возрасте отойти в сторону, чтобы уступить место, дать возможность свободного развития молодым, – признавался Кропоткин в декабре 1897 года. – Я тоже стараюсь это делать, чтобы дать молодым возможность действовать самостоятельно, но не для того, чтобы позволить захватить движение людям иного направления, которые

погубили бы его так, что если бы это произошло, то через несколько лет пришлось бы все начинать сначала»[993].

* * *

Несмотря на постепенный отход от непосредственной работы в анархистских организациях, Петр Алексеевич продолжал внимательно следить за ситуацией в международном социалистическом движении. В ноябре 1888 года он посетил международный профсоюзный конгресс, созванный в Лондоне по инициативе британских тред-юнионов. Съезд разочаровал Кропоткина. Возмущало засилье на нем партийных и реформистских социалистов и социал-демократов. «Я был всего два раза по часу, – писал он о конгрессе Лаврову. – Факт тот, что поссibiliсты и другие соц[иал]-демократы, конечно, не успели в своей попытке увлечь trades unions в общую организацию. Они не хотят, чтобы ими управляли извне. Оттого только одно предложение (анархиста Tortillier) и было принято всеми, где он говорит, что рабочим надо на себя надеяться. Два дня конгресса были потеряны в пустой болтовне президента Shipton'a, да в возмутительных спорах, где англичане, боясь иностранцев, добивались иметь английского президента и англичан в большинство в Standing order Committee [Комитете по процедурным вопросам]. <...> Словом, разошлись с еще большим недоверием и даже не перезнакомились с англичанами. <...> Всё мечты восстановить Conseil Général [Генеральный совет] Интернационала!»[994]

Воссоздание централистского Первого Интернационала – это было то, чего Кропоткин стремился избежать как пагубного для всего рабочего движения. Но, увы, дело шло именно к этому! Было решено созвать международный рабочий конгресс в Париже, который открылся в июле 1889 года и учредил Второй Интернационал. И абсолютное большинство здесь получили социал-демократические партии.

Попытки анархистов создать собственное международное объединение оказались безуспешными: на их конференцию в Париже в сентябре 1889 года прибыли представители из Испании, Германии, Великобритании, Италии, Франции и США, но у них не было мандатов, повестка дня не была разработана, и никакие резолюции не принимались. Анархисты принимали участие во Втором Интернационале вплоть до июля 1896 года, когда на лондонском конгрессе они были изгнаны, несмотря на возражения ряда британских социалистов.

Ведущие деятели анархистского движения обсуждали, как им выступать и чего требовать на конгрессе в Лондоне. Предлагалось направить на него и Кропоткина, благо тот жил в Англии. Но Петр Алексеевич отказался категорически. Он не желал представлять самого себя, а получить полномочия делегата от какой-либо организации не представлялось возможным. «Я не могу иметь его [мандат] от России, поскольку там нет достаточного количества ни анархистов, ни синдикалистов...» – объясняет он Домеле Нивенхёйсу. Мандат от любой французской «биржи труда» (как назывались тогда во Франции местные межпрофессиональные объединения работников) был бы для него фиктивным или актом «вежливости». А английские рабочие организации – «не наши», констатирует он[995].

Кропоткин советовал анархистским делегатам, которые решили все же приехать на конгресс, действовать наступательно и требовать осуществления той модели организации, которая существовала в Первом Интернационале. В международном объединении трудящихся должны быть представлены не политические партии или идеологические группы, а рабочие союзы, ведущие экономическую борьбу с предпринимателями. Если они присылают делегатов, которые состоят в партиях, – это их дело. Но Интернационал должен быть рабочим, а не партийным. Впрочем, Петр Алексеевич настроен скептически. Он предвидит, что социал-демократы все равно сделают все по-своему. Так и случилось.

В знак протеста против изгнания с конгресса 28 июля была созвана международная встреча, в которой приняли участие виднейшие анархисты: Кропоткин, Малатеста, Луиза Мишель, Пьетро Гори и Жозеф Тортелье (1853–1925), – а также бывшие социал-демократы, перешедшие на анархистские позиции: Домела Ньивенхёйс из Нидерландов, Густав Ландауэр (1870–1919) из Германии и британские социалисты Джеймс Кейр Харди (1856–1915) и Том Манн. Затем анархисты созвали в британской столице собственный конгресс, но Петр Алексеевич не смог играть там активную роль, так как снова чувствовал себя плохо. Однако он приветствовал разрыв между «экономическим движением рабочего класса» и социал-демократическим «полубуржуазным политическим движением», которое стремится подчинить себе трудящихся[996]. Анархисты намеревались провести конгресс в 1900 году в Париже, и Кропоткин собирался туда поехать, но так этого и не сделал. Конгресс был запрещен французскими властями.

* * *

Между тем авторитет Кропоткина как ученого выходил далеко за пределы анархистской и активистской среды. Он пользовался широким уважением в британском обществе; престижный интеллектуальный журнал *Contemporary Review* в 1894 году назвал Петра Алексеевича «нашим самым выдающимся беженцем»[997]. Он свел знакомство со многими видными представителями научных, культурных и даже политических кругов Великобритании, а с некоторыми из них даже сдружился. Хотя вокруг постоянно крутились царские агенты, Кропоткин старался держать свой дом открытым для посещений и визитов. Вечером по воскресеньям он и Софья Григорьевна устраивали приемы для друзей и гостей, британских и иностранных. Эти встречи сопровождались оживленными дискуссиями, спорами и обсуждениями на самые разные темы[998].

Кропоткин поддерживал тесные дружеские отношения с Уильямом Моррисом, благодаря которому познакомился с писателями Уильямом Батлером Йейтсом (1865–1939), Оскаром Уайльдом (1854–1900), Эрнестом Рисом (1859–1946), художником и мастером переплетов Томасом Джеймсом Кобден-Сандерсоном (1840–1922), коллекционером Сиднеем Кокереллом (1867–1962)[999]. Уайльд, сам во многом симпатизировавший своеобразно понятому им анархизму, позднее отзывался о Петре Алексеевиче восторженно: для него Кропоткин был человеком «с душой прекрасного белого Христа, казалось, явившегося из России», одной из «самых прекрасных жизней», которые ему когда-либо встречались[1000]. Кропоткин же восхищался «замечательно художественно» написанными статьями Уайльда, посвященными анархизму[1001].

Добрыми знакомыми Кропоткина стали участники художественного течения прерафаэлитов: критик и писатель Уильям Россетти (1829–1919), художники Джордж Фредерик Уоттс (1817–1904), Уолтер Крейн (1845–1915) и Феликс Мошелес (1833–1917)[1002]. Юные дочери Уильяма Россетти, Оливия (1875–1960) и Хелен (1879–1969), начали в 1891 году выпускать анархистскую газету *The Torch* («Факел»). Как вспоминала Эмма Гольдман, «для своих четырнадцати и семнадцати лет они были развиты не по годам как внешне, так и внутренне. Они сами писали статьи, сами делали набор и оттиски. Бывшая детская комната сестер теперь стала местом встречи иностранных анархистов, в большинстве своем итальянцев, которые подвергались особенно жестоким преследованиям; они находили приют у Россетти, своих соотечественниц»[1003]. В салоне сестер Россетти бывали и Кропоткин, и Степняк-Кравчинский. Их издание носило совершенно иной характер, нежели *Freedom*. По оценке Метена, сотрудники газеты «часто являлись более ожесточенными, чем в других органах. Тон некоторых статей соответствовал зажигательному заглавию газеты и характеру обложки, которая на красном кровавом фоне имеет изображение работника, идущего к плодам своего труда и задержанного штыком солдата, ружьем лендлорда и револьвером капиталиста»[1004].

Конечно, далеко не все новые друзья и знакомые Кропоткина разделяли его революционные взгляды или хотя бы относились к радикалам. Скажем, Бернард Шоу был – в отличие от Шарлотты Уилсон и Анны Безант – одним из тех членов Фабианского общества, которые в 1886–1887 годах выступили против признания анархизма. В 1890 году он выпустил текст «Что такое социализм», в котором оспорил тезисы Уилсон и ратовал за постепенный путь реформ. Впрочем, уже в 1894 году Шоу назвал себя «индивидуалистическим анархистом». Как бы то ни было, это не мешало ему всегда отзываться о Кропоткине с глубочайшей личной симпатией. Среди друзей Петра Алексеевича были лидеры Социал-демократической федерации, Социалистической лиги и Независимой рабочей партии, включая будущих создателей британской Лейбористской партии Джеймса Кейра Харди и Филипа Сноудена (1864–1937), социалист Эдвард Карпентер (1844–1929) и другие политики.

Обширный круг знакомств Кропоткина в научной среде включал таких видных ученых и популяризаторов науки, как Келти, географ-натуралист Генри Уолтер Бейтс (1825–1897), Геддес, Мэйвор, теолог-востоковед Уильям Робертсон-Смит (1846–1894) и издатель *Nineteenth Century* Джеймс Томас Ноулз (1831–1908). Петр Алексеевич писал статьи для *Geographical Journal* – в 1893–1905 годах они появлялись там регулярно. Он выступал на конгрессах ведущего образовательного общества – Британской ассоциации развития науки в Ноттингеме в 1893 году и в канадском городе Торонто в 1897-м. Кропоткину было предложено членство в Королевском географическом обществе, но он отказался принять приглашение, поскольку то находилось под покровительством монарха Великобритании, в то время – королевы Виктории. Такую же принципиальность он проявил, отказавшись от предложения Робертсона Смита содействовать его приглашению в качестве профессора географии в Кембриджский университет при условии отказа от пропаганды анархистских идей. В апреле 1893 года Петра Алексеевича пригласили выступить на конференции Гильдии учителей; он читал вечерние лекции по биологии в Лондонском университете[1005].

Весной 1892 года Кропоткины переехали из Харроу в небольшой дом № 13 на Вуджерст-роуд в Актоне. Сейчас это район на западе Лондона, но в те времена еще отдельный маленький городок, в котором жили и другие эмигранты из России, включая друзей Кропоткина – анархистов и участников группы Freedom Варлаама Николаевича Черкезова и его жену Фриду. Сюда к нему приезжали старые друзья, такие как Малатеста и Реклю, известный шведский химик Густав Стеффен (1864–1929), студенты из России и с Балкан, включая одного из будущих лидеров российских анархистов Александра Моисеевича Атабекяна (1868–1933), шотландский социалист Джон Брюс Глазье (1859–1920)[1006]. Маленькая дочка Саша, как вспоминал Бернанд Шоу, превращалась в «смуглую, подвижную», «прелестную девочку», поступившую в местную частную школу. Летом Софья Григорьевна ездила с ней к морю или в гости к друзьям – Реклю и Луизе Мишель[1007]. Желая, чтобы дочь оставалась приверженцем русской культуры и став взрослой, вернулась в Россию, дома они старались говорить с ней на русском языке[1008].

Проживание в Актоне было временным. Длительное нездоровье гнало Петра Алексеевича из окрестностей Лондона. В письме к Атабекяну в октябре 1893 года он жалуется на болезнь, которая не дает нормально работать: «Мы думаем очень серьезно оставить Лондон и перебраться в какую-нибудь деревенскую трущобу – только чтобы выбиться из затруднения»[1009].

Летом 1894 года Кропоткины переехали в расположенный в графстве Кент городок Бромли. Их коттедж «Виола» стоял на Кресцент-роуд; стены увивал виноград, а при доме разбит огород, что было очень важным для Петра Алексеевича[1010]. «У нас здесь совсем маленький, но очень удобный домик, а главное, прогулки здесь восхитительны, – писал он Жану Граву. – Кто бы мог подумать, что в 12 километрах от Чаринг-Кросса можно найти такой деревенский простор...»[1011] В скромно обставленной гостиной посетителя встречали стеклянные полки с коллекциями насекомых, минералов и растений. Эмма Гольдман вспоминала о своей поездке в Бромли в 1895 году: «В обществе Кропоткина я расслабилась уже в первые пять минут: семья была в отъезде, а сам Петр принимал меня с таким радушием, что я почувствовала себя как дома. Он сразу поставил завариваться чай и пригласил в свою столярную мастерскую – взглянуть на вещи, сделанные им собственноручно. Петр отвел меня в кабинет и с большой гордостью показал стол, скамью и несколько полок, которые смастерил сам. Вещи были очень простые, но он ценил их больше прочих: они олицетворяли труд, а он всегда ратовал за совмещение умственной активности с физическим трудом. И вот он личным примером демонстрировал, как гармонично можно сочетать их. Ни один ремесленник не смотрел с такой любовью и глубоким уважением на свою работу, как ученый и философ Петр Кропоткин. Его гордость за продукты личного труда олицетворяла и горячую веру в массы, их способность менять жизнь по своему усмотрению»[1012].

Яркие воспоминания об этом кабинете оставили и другие посетители Кропоткина. «Обычный тип рабочего коттеджа с поразительно скромной обстановкой. В рабочей комнате П[етра] А[лексеевича] – белый стол, стул и самодельные полки с книгами»[1013], – вспоминал

анархист Александр Григорьевич Таратута, посетивший Кропоткина во время съезда русских анархистов в Лондоне (декабрь 1904 года). «Мы поднялись по узенькой крутой лесенке без перил, ступили на крошечную площадку, а с нее вошли в светелку под самой крышей, напоминавшую келью отшельника, отдавшего науке», – вспоминала Брешко-Брешковская.

Книги были главным и единственным сокровищем, переполнявшим келью нашего героя, святого Петра Анархического. «По стенкам полки, нагруженные книгами; книги, бумага на столе из белых досок, а перед ним соломенное кресло: с правой стороны черная доска на треножнике, и на ней мелом нарисовано очертание озера». Кропоткин готовился к докладу в Британском Географическом обществе. На сей раз – «о происхождении водных бассейнов в северо-восточной Азии»[1014]. Анархист Иван Сергеевич Книжник-Ветров (1878–1965), ночевавший в кабинете в октябре 1906 года, вспоминает, что к тому времени там появился еще и диван[1015].

Дом превратился в книжный склад: «Сидеть было не на чем и негде, все кругом было завалено книгами. Выходя, я заметила дверку на площадке и сунулась туда. Чуланчик был заполнен сверху донизу изданиями разных брошюр, написанных Петром Алексеевичем, в том виде, как вышли из-под печатных и брошюровальных станков. Были последних годов, были и ранних»[1016]. Конечно, эти печатные сокровища из дома Кропоткина постепенно расходились по законам анархистских организаций из многих стран мира. Но вот что самое неожиданное: покупать книги Петр Алексеевич не любил. Книжнику-Ветрову он рассказывал, что много работал в библиотеке Британского музея, «а книг покупал мало». Вот тебе и номер, удивится читатель, а откуда же они взялись-то? Большинство книг ему дарили. «Библиотека у него накопилась главным образом из его собственных книг, присылавшихся ему издателями на разных языках»[1017], – вспоминал Книжник-Ветров.

Невозможно удержаться от сравнения скромности и трудолюбия этого выходца из одной из самых знатных семей России с барскими замашками иных социал-демократических и большевистских лидеров. На память немедленно приходят строки из письма видной российской большевички Инессы Федоровны Арманд (1874–1920) немецкой марксистке Кларе Цеткин (1857–1933): «Вообразите себе, я перегрузила себя работой: вздумала сама выстирать и выгладить все мои жабо и кружевные воротнички. Вы будете бранить меня за легкомыслие, но прачки так портят... Ах, счастливый друг, я уверена, что Вы никогда не занимаетесь хозяйством, стиркой, и даже подозреваю, что Вы не умеете гладить»[1018]. Кропоткины никогда не считали физический труд зазорным и не видели героизма в том, чтобы как можно больше делать своими руками!

Кабинет, в котором Петр Алексеевич работал, кутаясь от холода в старое, выдавшее виды пальто, также был обставлен очень скромно: «Это была самая большая комната в доме, стены которой были покрыты книжными полками, сделанными самим Кропоткиным: грубый кухонный стол и деревянный стул; в углу небольшая кушетка и дальше книги на других столах и в других местах; огонь в камине, который Кропоткин разводил часто своими руками, – вспоминала Фрида Черкезова. – Если ему замечали, что он запачкал руки и что к его услугам имеются щипцы, он вытирал руки о пальто и с каким-то злоумышленным миганьем говорил: "Видите, совершенно чистые; между прочим, вы не можете развести

хороший огонь щипцами"»[1019].

Черкезовы пользовались едва ли не самым большим доверием из всех гостей Петра Алексеевича. «Когда мы приезжали в воскресенье в полдень, – вспоминала Фрида, – это был установленный порядок – Кропоткин сбегал вниз, но после обмена приветствиями он и мой муж, как два школьника, выпущенные на волю, исчезали в кабинете. Никому, кроме моего мужа, не позволялось рассматривать его книги и бумаги. Кушетка в углу была его любимым местом для сна, если мы оставались на ночь»[1020].

В этом доме Петр Алексеевич принимал многочисленных друзей и посетителей со всего света. Здесь бывали Чайковский и другие русские революционеры-эмигранты; анархисты Малатеста и Луиза Мишель; Домела Нывенхёйс; эмигрант-анархист из Германии Рудольф Роккер, будущий организатор еврейского рабочего движения в Лондоне, а после Первой мировой войны – теоретик и ведущий активист мирового анархо-синдикализма; создатель теории «анархизма без прилагательных» – испанец Франсиско Таррида дель Мармоль (1861–1915); фабианцы Бернанд Шоу и Эдвард Пиз (1857–1955); профсоюзные активисты Манн, Тиллетт и еще один будущий революционный синдикалист Гай Боумен; художники Мошелес и Кобден-Сандерсон; литераторы Генри Невинсон (1856–1941), Форд Мэддокс Форд (1873–1939), Франк Харрис (1855–1931) и многие другие. У него гостили Георг Брандес, знаменитый музыкальный и художественный критик Владимир Васильевич Стасов (1824–1906), Дмитрий Клеменц, Элизе и Эли Реклю, Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская... Иногда заходили и соседи[1021]. И здесь его гостеприимство и отзывчивость порой были безграничны. Жан Грав вспоминал, что как-то вечером Кропоткин играл на рояле. Две служанки из соседнего дома подошли к окну и слушали его. Увидев это, Петр Алексеевич вышел на улицу, вежливо пригласил их домой, усадил в кресла. А затем, специально для новых гостей, он сыграл любимые вещи из своего репертуара[1022].

По воскресеньям устраивались «приемы»; Софья Григорьевна, которая вела домашнее хозяйство, готовила чай. По дому ей помогала молоденькая горничная из Бельгии, она обожала Петра Алексеевича и часто называла его «папа». Черкезов вспоминал: «В конце дня, когда домочадцы ушли отдыхать, Кропоткин, с его обычным вниманием к тем, кто работал, передвигается по дому, как мышь, на цыпочках, чтобы не нарушать сон, даже если легла спать только служанка. Часто он шептал мне, чтобы я был осторожен, чтобы не разбудить ее. Зажигая свечу, он удаляется в свою комнату, иногда до полуночи, читая новые публикации, на которые у него не было времени в течение дня»[1023].

Об этой девушке, которую звали Мари, почти все мемуаристы пишут совсем кратко. Но вот племянник Петра Алексеевича оставил о ней достаточно интересные воспоминания. Она страдала kleptomанией и у себя на родине неоднократно попадалась на воровстве, но Петра Алексеевича это не смущало, и он защищал горничную, даже если гости заставляли ее шарящей по карманам. Мари «любила П. А. как отца»[1024]. Вероятно, что деньги и другие вещи семьи Кропоткиных она не трогала, так как жила в их доме и пользовалась всем свободно, да и просто была до глубины души предана Петру Алексеевичу. Но вот на гостей ее любовь и преданность совсем не распространялись. Дело доходило до того, что Петр Алексеевич просил своих посетителей не оставлять ценных вещей ни в прихожей, ни в карманах верхней одежды. Однажды его племянник стал очевидцем и жертвой

клептоманки: «Я узнал об этом однажды, когда П[етр] А[лексеевич], сидя со мною в столовой, вдруг выскочил в коридор и я услышал его гневные крики. Оказывается, он услышал шорох и застал Marie во время ревизии карманов моего пальто»[1025]. Позднее, в 1917 году, когда Кропоткины возвращались в Россию, Петр Алексеевич проследил за тем, чтобы ее дальнейшая судьба была обеспечена.

Но если к Мари великий анархист был добр и снисходителен, а двери в его дом были открыты для подавляющего большинства гостей, кого же он никогда не пускал на порог своего скромного «бунгало»? Государственных чиновников. С этой точки зрения его дом оставался своеобразной «освобожденной территорией», чему, как ни странно, помогали английские законы. Николай Кропоткин вспоминал, что однажды в дом попытался войти судебный служащий с повесткой. Он должен был опустить ее в почтовый ящик, но почему-то решил вручить из рук в руки лично Петру Алексеевичу. Дело едва не дошло до драки. Здоровенный англичанин поставил ногу в дверь, чтобы хозяин не мог закрыть ее. «Гневный голос» Петра Кропоткина разносился на всю улицу, он «осыпал бранью англичанина и старался выпихнуть его на улицу». Племянник взял в руки толстую трость, собираясь врезать незваному гостю. Незадачливому чинуше пришлось как можно скорее ретироваться. Петр Алексеевич крикнул «ему на дорогу какое-то ругательство»[1026].

Хотя жизнь была нелегкой и события в мире радовали далеко не всегда, Кропоткин старался поддерживать в доме живую и веселую атмосферу. По свидетельству Фриды Черкезовой, по вечерам играли в шарады с дочерью Сашей. Петр Алексеевич «любил видеть вокруг себя веселые лица и всегда имел готовую шутку»[1027].

Отдельный дом – мечта многих современных горожан. Желателен комфортабельный коттедж со всеми удобствами, благами городской цивилизации, интернет-связью. Кропоткин теперь тоже живет в собственном доме со своей семьей. Надо признать, что для современного сквота где-нибудь в Амстердаме, Гамбурге или в Афинах он бы не сгодился. Опыт жизни в своем доме сказался и на его представлении о том, как должны устроиться жители Анархической коммуны будущего и настоящего. Дмитровский кооператор, огородник и пчеловод Василий Васильевич Сазонов, посещавший Петра Алексеевича в 1921 году, вспоминал советы старого анархиста. С улыбкой он сообщил молодым кооператорам нечто, следовавшее из жизненного опыта его и его современников: «...и, между прочим, советовал как можно скорее строить отдельные домики для каждого семейства, иначе почти все сельскохозяйственные коллективы распадаются. Живя в одном доме, "артельщики или перессорятся между собой, или перевлюбляются и в результате – распад артели"». А как позитивный пример он рассматривал «города-сады», создаваемые кооператорами в Англии, где коллективное хозяйство сочетается с жизнью в коттеджах[1028]. Так что коммуна по Кропоткину – это не гигантское общежитие с залами-столовыми и спальнями. Скорее, это город-сад с уютными коттеджами для каждой семьи.

* * *

Уважение к Кропоткину распространялось даже за пределы Европы и Америки. Так, специально приезжали повидаться с «мудрецом Запада» такие мыслители Востока, как

знаменитый философ Веданты и йог Свами Вивекананда (1863–1902), общавшийся с Петром Алексеевичем в Париже в 1900 году[1029], и видный цейлонский реформатор буддизма Анагарика Дхармапала (1864–1933)[1030]. Анархисты из Китая и Японии читали и переводили его книги, были страстными приверженцами его идей и пытались воплотить их на практике. В обеих странах в 1920–1930-х годах предпринимались даже попытки издать «полное» собрание сочинений Петра Алексеевича!

Китайский анархист-индивидуалист Хуа Линь, мечтатель, думавший о разрушении границ не только между народами и людьми, но также между человеческим и животным миром и призывавший разработать общий разговорный язык для всех живых существ, по рекомендации Жана Грера побывал у Кропоткина в годы Первой мировой войны. В 1917 году он отправился назад, в Азию, на Филиппины, где помогал организовать китайское рабочее движение[1031].

А японский писатель Арисима Такэо (1878–1923), сторонник идей Льва Толстого, еще в 1907 году совершил настоящее паломничество к дому русского анархиста и долго беседовал с Кропоткиным о теории и практике взаимопомощи. Позднее, вспоминая об этих разговорах, он передал земельные владения своей семьи на острове Хоккайдо крестьянам-арендаторам[1032]. Петр Алексеевич вручил посетителю из Страны восходящего солнца письмо для японского анархиста Котоку Сюсуй (1871–1911)[1033]. Память о Русско-японской войне была все еще жива, но это не мешало русскому анархисту дружески встретить японского антимилитариста.

«Он был как скала, стоящая в море, – с восторгом вспоминал писатель. – Его широкую грудь прикрывала одежда простого люда. Он обменялся со мной рукопожатием. В моих глазах стояли слезы... В ходе разговора я задал какой-то вопрос о "Взаимопомощи". Чтобы лучше ответить на мой вопрос, он повел меня в рабочий кабинет, посадил меня на диван и сел рядом со мной, а затем бережно начал объяснять. Я позабыл о том, что я в Англии и что я японец; я уже не знал, где находится этот кабинет. Я был маленьким ребенком, сидящим рядом со стариком-отцом и слушающим его добрые родительские слова»[1034].

Да, современники, знавшие Кропоткина в это время, отзывались о нем как о человеке добросердечном, добродушном и обычно терпимом – толерантном, как сказали бы сегодня. «По внешности и обращению, – вспоминал его племянник Николай, – П[етр] А[лексеевич] был любезным, изящным человеком; чувствовалось его военно-светское воспитание, и он походил на переодетого военного. Он был находчив и остроумен; в свое время был отличным танцором и наездником. Был всегда любезен с окружающими, а по отношению к женщинам у него была немного старомодная, рыцарская манера. <...> Я сказал бы, что в своей, как это называют, "аристократической" манере он был самый крайний демократ, считая, что все не только должны, но и могут всегда усвоить соответствующую манеру в обращении»[1035].

Но за этими любезностью и демократизмом скрывался взрывной темперамент революционера и ученого, убежденного в правоте своих взглядов. «При всей огромности своего кругозора, при редком универсализме знаний – он не знает никаких сомнений, – писал о нем российский анархист Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935). – Ему – все ясно.

Он допускает один культ – культ теоретического рассудочного знания. И поразительны у него – острота и свежесть этого чувства. Никогда удивление перед достижениями человеческого разума и удовлетворение ими не переходит у него в обывательское спокойствие, привычную уверенность, рутину. Он – всегда не насыщен. <...> Но... восторг перед любимыми не переходит у П[етра] А[лексеевича] в истерику, исступление»[1036].

Спорщиком Кропоткин по-прежнему был страстным и весьма эмоциональным, мог выйти из себя. «Никаких признаков мягкости и кротости, которой я ожидал встретить. Передо мною был человек резкий, жесткий, страстный, нетерпеливый»[1037], – писал анархист Александр Григорьевич Таратута (1879–1937). Фрида Черкезова описывала спор, возникший у Петра Алексеевича с приехавшим к нему голландским поэтом, который стал доказывать, что после революции представителей имущих классов следует вознаградить за потерю собственности. Кропоткин ответил резкой отповедью и «казался таким гневным, что после этого последовало тягостное молчание». Впрочем, по ее словам, Петр Алексеевич «никогда не дулся, и скоро разговор снова стал веселым»[1038].

Иногда он мог прервать собеседника, даже несколько бестактно, особенно если речь шла о вопросе, по которому мнение Кропоткина уже было predeterminedо долгими размышлениями, дискуссиями, опытом. Так, в дискуссии о марксизме, в 1910-е годы вспыхнувшей у него дома, в Бромли, под Лондоном, Кропоткин, «с видом Юпитера, взирающего на лающего щенка» послушал несколько минут аргументы меньшевика Ивана Майского. Потом, «несколько невежливо» прервав оратора, громко крикнул: «Ну, давайте, выпьем по чашке чая»[1039]. Впрочем, Кропоткин прекрасно понимал, что для него и его сторонников вопрос уже решен. В таком случае имеет ли смысл игра в полемику и демократию, раз это все бессмысленный и бесполезный повтор хорошо известных слов.

Отходчивость и необидчивость Кропоткина подтверждает в своих воспоминаниях и Эмма Гольдман, которой довелось вести с ним острые дискуссии. Считая его своим учителем, она, однако же, нередко возражала ему. «Красная Эмма», горячая поборница женского равноправия, вспоминала об одном из таких споров в доме Петра Алексеевича в Бромли в 1899 году. Спор зашел о «месте проблемы полов в анархистской пропаганде», и Кропоткин заметил, что «равенство мужчин и женщин не имеет отношения к проблеме пола». Он был убежден, что путь к такому равенству – это социальное освобождение и интеллектуальное развитие, да и к истолкованию свободной любви в духе экспериментирования и смены сексуальных партнеров – полиамории, как сказали бы сегодня, – он относился с неодобрением. «Мы оба перевозбудились, – пишет в мемуарах Гольдман, – и наши голоса, должно быть, звучали так, как будто мы ругаемся». Жена Кропоткина, тихо шившая в это время платье для дочери, несколько раз пыталась отвлечь и успокоить спорщиков, но это не помогало. Атмосфера накалялась. «Мы с Петром расхаживали по комнате с нарастающим возбуждением, упорно отстаивая каждый свою точку зрения, – вспоминала Гольдман. – Наконец я прервалась, заметив: "Ладно, дорогой товарищ, когда я достигну твоего возраста, вопросы пола, возможно, для меня будут не так важны. Но я живу сейчас, и это является важнейшим фактором для тысяч, даже миллионов молодых людей". Петр остановился как вкопанный, довольная улыбка осветила его доброе лицо. "Забавно, я об этом не думал, – ответил он. – Возможно, в конечном итоге ты и права". Он расплылся в лучезарной улыбке, в глазах засверкали шуточные искорки»[1040].

Стоит упомянуть о том, что Петр Алексеевич вообще упорно спорил с различными модными для того времени увлечениями среди анархистов, многие из которых разделяла та же Эмма Гольдман. К примеру, он терпеть не мог Ницше и как мог издевался над его «сверхчеловеком». Столь же непримирим был Кропоткин к неомальтузианству и вытекавшей из него идеи контроля над рождаемостью. Напрасно Эмма доказывала, что при капитализме женщинам из бедных семей стоит отказаться от рождения большого числа детей, поскольку их трудно будет прокормить, а также чтобы не создавать для власть имущих обилия дешевых рабочих рук и солдат. Петр Алексеевич оставался неумолим: это все паллиативы, которыми анархистам заниматься не следует; все эти проблемы разрешит социальная революция[1041].

Здоровье Петра Алексеевича ухудшалось – медленно, но неуклонно. Если в 1890-х годах ему приходилось лишь иногда отменять лекции и выступления и время от времени выбираться на море для краткого отдыха, то теперь он вынужден был все чаще прерывать работу на более долгий срок. Зимние месяцы 1901–1902 годов Кропоткин провел в более теплом Хоуве, курорте к западу от Брайтона, летом 1902 года – в Истбурне. Он старался проводить зимы за пределами Англии и в 1903 году прожил некоторое время на Нормандских островах и в Истбурне[1042]. Во время отдыха на море, пока позволяло здоровье, Кропоткин осваивал новый вид досуга – яхтинг. «Все мореходствую на парусах, вот уже целую неделю»[1043], – писал он Лаврову еще в июле 1889 года. Но позднее, видимо, пришлось оставить это новое увлечение.

Жена беспокоилась о самочувствии Кропоткина и иногда даже сдерживала чрезмерно эмоциональных, на ее взгляд, посетителей. Иногда она читает лекции вместо мужа. Дочь Саша, превратившаяся уже в живого, привлекательного подростка, до семнадцатилетнего возраста учится в средней школе. Родители обожают ее. «Она так похожа на Петю, – писала Софья Григорьевна о дочке. – У него она взяла все лучшее. <...> Но от меня она унаследовала вспыльчивый... характер». В восемнадцатилетнем возрасте она очень любила танцевать и училась кройке и шитью. Родители учили Сашу русскому языку, и в итоге она позднее говорила на английском, русском, французском и немецком. «Ты опять папу порадовала письмом, и так мне радостно, что ты уже можешь писать мне по-русски»[1044], – писал Петр Алексеевич дочке в 1894 году. В 1903-м Кропоткины даже хотели отправить ее в поездку в Россию, но от этого намерения пришлось отказаться из-за проблем с визой, и Саша съездила вместе с матерью в Германию[1045].

Кропоткины подумывали о том, чтобы уехать из Англии, климат которой никак не позволял Петру Алексеевичу поправиться. Но Швейцария, Франция и Бельгия оставались для него закрытыми. Он упорно продолжал работать, хотя энергии становилось все меньше. «Я знаю, что мне не так уж много осталось жить, и я хочу провести эти несколько остающихся мне лет с Софьей и Сашей, которые обе так любят меня»[1046], – писал Кропоткин Гильому 23 декабря 1902 года.

Однако организм старого революционера выдержал, несмотря на все болезни. И новый импульс его энергии придали революционные события в России. Рассказ об этом – в одной из следующих глав.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 13 июля 2025 15:52:08

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 июля 2025 15:52:58